

О РАБОТЕ НАУЧНОГО СОВЕТА ПО ПРОБЛЕМЕ «СЛАВЯНО-ВОЛОШКИЕ СВЯЗИ И ФОРМИРОВАНИЕ МОЛДАВСКОЙ НАРОДНОСТИ»

История появления на исторической арене волохов (ближайших предков восточно-романских народов, в том числе и молдавского) и их взаимоотношений со славянами — одна из актуальных и все еще не до конца решенных научных проблем. Ее правильное решение имеет важное значение не только для выяснения этногенеза молдавского и румынского народов, но и для истории Болгарии и некоторых других стран.

Дискуссии по ряду вопросов генезиса молдавского народа начались еще в XVII в. и продолжают в наши дни. Помимо научного значения, они всегда имели и большое общественно-политическое значение. В XVII в. известные молдавские летописцы Г. Уреке, М. Костин и другие высказали мнение, что предками молдаван были римские колонисты, посланные в Римскую Дакию как воины и осевшие после войны в Марамуреше. Заселив позже Карпато-Днестровские земли, они положили начало молдавскому народу. Эту идею деятели молдавской культуры поддерживали и в XVIII в. В то время подобное объяснение имело большое общественное значение, так как будило у населения Молдавии, поработанного Османской империей, чувство гордости своими предками.

В конце XVIII—XIX в. историки уже располагали более значительным материалом о древнейшей истории восточнороманского населения. Его предками по-прежнему считали римских переселенцев, но так как не сохранилось сведений о том, где проживали восточные романцы в IV—X вв., то были выдвинуты две гипотезы: сторонники одной из них — миграционной (И. Сульцер, Р. Рёслер и др.) — доказывали, что в конце III в. н. э., после ухода римлян из Дакии, романизованное население переселилось на земли к югу от Дуная и только через много веков его потомки вернулись в Карпато-Дунайские области; сторонники другой гипотезы — автохтонной (И. Тунмани, Ю. Юнг, А. Ксенопол и др.) — считали, что романизованное население с римского времени сохранялось в Карпатских горных и лесных районах. Сведения о них не попали на страницы исторических источников, так как они находились в стороне от крупных политических событий. И на этот раз дискуссия приобрела политическое значение. Идеологи румынской буржуазии, используя автохтонную гипотезу, утверждали, что их предки проживали в Трансильвании без малого 2000 лет; венгерские же буржуазные историки, ссылаясь на доводы миграционной гипотезы, доказывали, что предки венгров заселили эти земли ранее волохов. Привнесение политических конъюнктурных идей в научную дискуссию затрудняло решение проблемы.

С конца XIX в. начала распространяться точка зрения, выдвинутая румынскими историками Б. П. Хашдеу и В. Пырваном, согласно которой предками восточнороманского населения были не римляне, а романизованные местные племена гетов, даков и др. Однако дискуссия между сторонниками миграционной и автохтонной гипотез продолжалась.

В первые десятилетия XX в. интенсивные археологические, исторические, лингвистические исследования создали предпосылки для более объективного, научного подхода к решению этой проблемы.

В исторической литературе, советской и особенно зарубежной, в послевоенное время накопилось множество самых противоречивых мнений по рассматриваемой проблеме. Однако основная полемика идет между сторонниками автохтонной и миграционной теорий. Учитывая большое значение изучения этногенеза восточных романцев для истории Молдавии, в 1970 г. при Отделении общественных наук Академии наук Молдавской ССР был создан Научный совет по комплексному изучению проблемы «Славяно-волошские связи и происхождение молдавской народности». В его состав вошли

наиболее видные специалисты по этой проблеме из Москвы, Кишинева, Львова и других научных центров. Председателем совета был утвержден член-корр. АН МССР Н. А. Мохов; зам. председателя — зав. Отделом этнографии и искусствоведения АН МССР В. С. Зеленчук и зав. сектором истории Молдавии досоветского периода Института истории АН МССР П. В. Советов.

В состав совета были включены специалисты по истории, этнографии, археологии, филологии, истории права из различных городов СССР, занимающиеся проблемами славяно-волошских связей и этногенеза молдавской народности.

За прошедшие годы было проведено семь сессий Научного совета и опубликован ряд материалов.

Первые две сессии Научного совета (май, октябрь 1970 г.) были посвящены вопросам историографии и археологическим аспектам проблемы. Был заслушан доклад историка Л. Л. Полевого (Кишинев) «Буржуазная историография и генезис молдавского народа», в котором подробно освещались основные теории по этногенезу молдаван, изложенные в работах XIX — начала XX в.¹

В том же году в Научном совете выступили с докладами археологи Г. Ф. Чеботаренко (Кишинев) «Археологические аспекты истории южных славян и волохов»², И. Г. Хынку (Кишинев) «Балкано-дунайская культура лесостепной Молдавии X—XIV вв. и ее этническая интерпретация»³, а также историк П. В. Советов (Кишинев) «Вопросы этногенеза восточнороманских народностей и славяно-волошских связей на XIII Международном конгрессе исторических наук».

Большое внимание было уделено трактовке памятников археологической культуры, получившей в литературе условное название *балкано-дунайской*. Интерпретация докладчиками аспектов этой культуры была различной. Г. Ф. Чеботаренко считает, что памятники балкано-дунайской культуры следует датировать временем не позднее XI в.; об этом свидетельствуют характерные для них яркие салтовские черты, которые не могли присутствовать в памятниках более позднего времени. По мнению И. Г. Хынку, балкано-дунайская культура, не меняясь и не расчленяясь хронологически и территориально, существовала вплоть до второй половины XIV в. Г. Ф. Чеботаренко, как и ряд других исследователей, считает, что основными создателями и носителями этой культуры были славяне. В противовес этому И. Г. Хынку выдвинул гипотезу о том, что эта культура носит не славянский, а синкретический характер, включая в качестве одного из основных компонентов автохтонный восточнороманский элемент.

Выступавшие в прениях Г. Д. Смирнов, Г. Б. Федоров, Н. А. Мохов, Э. А. Рикман, И. А. Рафалович и др. отметили, что если существование славянских черт в балкано-дунайской культуре не вызывает никаких сомнений, то присутствие элементов, которые можно было бы связать с культурой восточных романцев на территории Молдавии, не получило пока серьезного научного обоснования. По мнению Г. Д. Смирнова, умаление роли славян и их культуры может привести к серьезным искажениям. Он полагает, что данные, приведенные И. Г. Хынку, недостаточны для того, чтобы выделять восточнороманские элементы в балкано-дунайской культуре.

Научный совет в своем постановлении рекомендовал усилить внимание к исследованию ряда вопросов, имеющих важное значение для решения проблемы молдавского этногенеза и изучения славянских памятников на территории Молдавии.

Большое внимание уделяет совет лингвистическим аспектам исследуемой проблемы, которые были предметом изучения на Третьей сессии совета (апрель 1971 г.). С докладом на тему «Проблема этногенеза волохов в свете периодизации славяно-романских языковых взаимоотношений» выступил лингвист Н. Д. Раевский (Кишинев). Фонетические изменения в топонимических и других названиях, как полагает докладчик, указывают на непрерывность пребывания романского населения с первых веков нашей эры в районе к северу от Дуная. Он высказал мнение, что контакты местного рома-

¹ Л. Л. Полевой. Формирование основных гипотез происхождения восточнороманских народностей Карпато-Дунайских земель (феодалная и буржуазная историография XIX — пер. пол. XX в.). — «Юго-Восточная Европа в средние века» (далее — ЮВЕ). Кишинев, 1972, с. 46—90.

² Г. Ф. Чеботаренко. Калфа — городище VIII—X вв. на Днестре. Кишинев, 1973.

³ И. Г. Хынку. Памятники балкано-дунайской культуры (X—XIV вв.). — «Древняя культура Молдавии». Кишинев, 1974, с. 137, 149 и др.; *его же*. Кэлрерия — памятник культуры X—XII вв. Кишинев, 1971.

низованного населения со славянами происходили в течение двух периодов: VI—VII вв. и IX—XII в., между которыми, по его мнению, был перерыв. Доклад вызвал оживленную дискуссию, в которой выступили лингвисты Т. П. Ильяшенко, М. Д. Габинский, А. И. Еремия, Р. А. Удлер, Е. М. Демина, историки В. Д. Королюк, П. В. Советов, археологи И. А. Рафалович, Э. А. Рикман.

Доклад в целом получил высокую оценку многих выступавших. Однако отдельные его положения некоторыми оппонентами оспаривались. Так, Т. П. Ильяшенко и М. Д. Габинский подчеркнули, что тезис о существовании двух периодов славяно-волошских контактов нуждается в дополнительной аргументации, оспаривались и названные докладчиком хронологические рамки каждого этапа. И. А. Рафалович, опираясь на данные археологических исследований, утверждал, что во всем северодунайском ареале романо-славянские контакты могли быть только в горных районах и только к ним могут относиться выводы докладчика. Е. М. Демина и В. Д. Королюк подчеркнули необходимость комплексного археолого-лингвистического подхода к теме и призвали к дальнейшей совместной работе над ней. Некоторые из выступавших отметили слабую аргументацию в докладе тезиса о постоянном проживании романоязычного населения в северодунайских землях.

На этой же сессии был заслушан доклад В. Д. Королюка (Москва) «Волохи и славяне русской летописи»⁴. Сопоставляя сведения русской летописи с данными венгерской «Хроники Анонима» и другими материалами, автор доказывал, что под «волохами» русский летописец понимал не только население современной ему Италии, но также и романизованное население северодунайских областей (Паннонии и др.); он опроверг распространенное в литературе мнение о том, что русский летописец волохами называл франков. Выступавшие в обсуждении высоко оценили доклад (Е. П. Наумов, В. С. Зеленчук, Н. А. Мохов), однако, по мнению Г. Б. Федорова, гипотеза В. Д. Королюка еще нуждается в подтверждении археологическими материалами.

На Четвертую сессию (май 1972 г.) были вынесены доклады, основанные на изучении исторических, археологических и лингвистических источников. В докладе Г. Г. Литаврина (Москва) «Волохи в освещении византийских источников»⁵ были рассмотрены термины «волох», «влах»; проблемы расселения волохов на Балканском полуострове, их занятия, быт и т. д. Представляет интерес вывод Г. Г. Литаврина о том, что в X—XII вв. не было единовременной массовой миграции волохов с юга Балкан в области к северу от Дуная. Подобная миграция, по его мнению, могла иметь место только до X в. Важное значение имеет вывод о преимущественно скотоводческом направлении хозяйства волохов в средние века. Самые ранние упоминания о волохах на землях к северу от Дуная (в области Карпатских гор) встречаются в русских и венгерских летописях XII в., сообщающих о событиях IX в. Источники южнодунайского происхождения упоминают о волохах только в связи с событиями X—XI вв. (Кекавмен, Скилица и др.).

Выступавшие положительно оценили результат работы докладчика и указали на необходимость издания текстов византийских источников, в которых речь идет о волохах.

И. Г. Хынку в докладе «Археологические культуры и этнические общности (к вопросу о культуре тиверцев и уличей)»⁶ выдвинул тезис о неоднородности культуры тиверцев, которая, как он считает, в отличие от древнеславянской культуры уличей включала различные этнокультурные элементы. Культура тиверцев территориально совпадала с ареалом распространения балкано-дунайской культуры и не менялась в период миграций народов. Термин «толковины», относящийся к тиверцам, следует понимать, считает докладчик, как указание на то, что они были билингвами. Мнение о том, что под этнонимом «тиверцы» следует понимать не только восточных славян, вызвало возражение М. Я. Лившица, И. А. Рафаловича и В. Д. Королюка. Последний отметил, что докладчик не сумел объяснить, с какого и на какой язык переводили переводчики — толковины.

⁴ В. Д. Королюк. Волохи и славяне русской летописи. Кишинев, 1971.

⁵ Г. Г. Литаврин. Влахи византийских источников X—XIII вв.— ЮВЕ.

⁶ И. Г. Хынку. К вопросу о расселении тиверцев и уличей в Приднестровье.— ЮВЕ, с. 159—175.

На этой же сессии были заслушаны доклады археолога И. А. Рафаловича (Кишинев) «Молдавия и пути расселения славян», диалектолога А. С. Сорбалэ (Одесса) «Лингвистические данные о заселении романизованным населением Прутско-Днестровских земель» и археолога Б. А. Тимошук (Черновцы) — «Из истории расселения молдаван в Буковине». Б. А. Тимошук отметил, что на территории Черновицкой области археологи обследовали около 100 славянских селищ IX—XIII вв., 47 из них прекратили существование в XIII в., что дает представление о масштабах разрушений, вызванных монголо-татарским нашествием. По памятникам XIV—XV вв. трудно выделить материальную культуру молдаван, так как в это же время шло переселение волохов на земли Буковины из района Карпатских гор.

На Пятой сессии (ноябрь 1973), включавшей наибольшее число докладов (7), проблемы формирования, расселения и хозяйственного уклада волохов-влахов рассматривались на материалах от античности до позднего средневековья; докладчики освещали эти проблемы по данным, касающимся широкой территории юго-востока и центра Европы. Т. Д. Златковская (Москва) в докладе «Некоторые проблемы этногенеза волохов в связи с романизацией Балканского полуострова в античное время»⁷ остановилась на характеристике термина «романизация», который нельзя, по ее мнению, сводить лишь к усвоению романизуемым населением латинского языка. Романизация на Балканах включала процесс создания римских лагерей, поселений и городских общин римского типа, а также вовлечение балканских и дунайских провинций в систему общеримской экономики. Т. Д. Златковская согласилась с мнением Г. Г. Литаврина о существовании на Балканах нескольких центров романизации; она привела данные о сохранении здесь (и особенно в Нижней Мёзии) романского населения в IV—V вв. н. э.

В. Маринов (НРБ, София) выступил с докладом «Расселение пастухов-волохов на Балканском полуострове и за его пределами»⁸. Он полагает, что волохи сформировались на базе той части древнего фракийского населения, которая занималась горным скотоводством; оно частично подверглось романизации (влахи), частично — эллинизации. Потомки эллинизованных фракийцев — каракачаны — в средние века в силу одинаковой хозяйственной деятельности с пастухами-волохами часто с ними отождествлялись.

Доклад В. С. Зеленчука (Кишинев) «Молдавские летописи как источник изучения ранней этнической истории молдаван»⁹ был посвящен рассмотрению летописной легенды о Драгоше и ее соотношения с действительным историческим процессом. В докладе было проанализировано «Сказание вкратце о молдавских господарях...» из русской Воскресенской летописи, которое, как считает докладчик, в образной фольклорной форме отразило реальные явления — миграцию волошского населения из района Карпатских гор в Молдавию.

Доклад Н. Н. Грацианской и В. Д. Королюка (Москва) «Проблемы этногенеза моравских влахов в современной чехословацкой историографии» был посвящен этнографической группе чехов, культура которой была определена спецификой хозяйственной деятельности — отгонным скотоводством, как и у населения Карпатского региона в целом. Авторы разделяют взгляды тех чехословацких ученых, которые считают, что нельзя отождествлять проблему развития пастушеского хозяйства с проблемами этнического развития региона¹⁰.

М. М. Фрейденберг (Калинин) в докладе «Влахи в Далмации в XV—XVI вв.»¹¹ остановился на проблеме связей влахов с далматинскими городами, которые начали развиваться с XIII в. Е. П. Наумов (Москва) сделал доклад на тему «Волошская проблема в современной югославской историографии (средневековые влахи в западной части Балканского полуострова)»¹².

Э. А. Рикман (Москва) в докладе «Об ареале романизации населения северных низовий Дуная в первой половине I тысячелетия н. э.» высказал мнение о том, что если римская провинция Дакия была включена в зону интенсивной романизации, то земли к

⁷ «Историографические аспекты славяно-волошских связей». Тезисы докладов. Кишинев, 1973, с. 5—10.

⁸ Там же, с. 21—32.

⁹ Там же, с. 11—22.

¹⁰ Там же, с. 33—38.

¹¹ Там же, с. 38—46.

¹² Там же, с. 46—51.

северу от Нижнего Дуная подверглись значительному влиянию позднеантичной, в частности римской, культуры. Последний тезис вызвал серьезные возражения оппонентов (М. Я. Салманович, И. А. Рафалович и др.), которые отметили, что в докладе трудно уловить различие между «интенсивной романизацией» и «интенсивным влиянием римской культуры»: по их мнению, докладчик считает уровень романизации населения, жившего вне римской Дакии, более высоким, чем он был на самом деле. Выступавшие указывали, в частности, на то, что литературные свидетельства, привлеченные докладчиком, не могут быть распространены на территорию Прутско-Днестровского междуречья, а археологические материалы с этих земель (граффити, которые Э. А. Рикман трактует как латинские буквы) весьма сомнительны и малочисленны. Т. Д. Златковская и П. В. Советов в выступлениях отметили и положительные моменты в докладе Э. А. Рикмана. Критика доклада в некоторой степени была учтена автором — это видно из его последующих работ¹³.

На Шестой сессии (апрель 1975 г.) были заслушаны доклады, касающиеся источнославянской базы проблем, разрабатываемых советом. Р. Я. Удлер (Кишинев) в докладе «Диалектология как источник для истории расселения волохов», в котором отмечались некоторые особенности говоров молдавского языка северных районов, доказывал их близость с языком волохов из Марамуреша и других районов Карпатских гор. Эта близость дает возможность судить о путях расселения волохов из района Карпатских гор по направлению к востоку, до Днестра.

При обсуждении доклада выявились расхождения в оценке диалектологических материалов. И. Г. Хынку высказал мнение о том, что эти материалы ничего не дают для историков, так как у диалектологов другая направленность исследований и лингвистические ареалы не совпадают с ареалами археологических культур. Другие археологи Э. А. Рикман, Г. Ф. Чеботаренко и историки Д. М. Драгнев, Н. А. Мохов считают, что материалы диалектологии очень важны, так как они дают возможность преодолеть односторонние выводы, основанные только на археологических материалах. Это последнее мнение получило поддержку и в высказываниях других выступавших.

Львовский историк Ю. Х. Думнич сделал доклад «Волохи Закарпатья по данным грамот XIV—XV вв.». Материалы этих грамот дают многое для изучения сущности древнего «волошского права» и для выявления картины переселения волохов.

В докладе Г. Б. Федорова и М. Я. Салманович (Москва) «Проблемы генезиса восточнороманских народов» были изложены точки зрения различных исследователей и высказано мнение докладчиков по ряду важных аспектов этой проблемы.

Указав на различную степень романизации отдельных районов северодунайских земель, авторы пришли к заключению, что Прутско-Днестровское междуречье не входило в ареал романизации. Остановившись далее на вопросе об этнической принадлежности носителей балкано-дунайской культуры, они привели аргументы в пользу того, что балкано-дунайская культура принадлежала прежде всего славянскому населению. Выступившие по докладу отметили, что авторы привлекли большое количество археологических и письменных источников, однако мало использовали лингвистические данные (в частности топонимику), которые могли бы усилить их аргументацию. Доклад получил высокую оценку, но вместе с тем выступавшие указывали на то, что некоторые важные вопросы проблемы не были освещены.

На Седьмую сессию Научного совета (апрель 1977 г.) были вынесены доклады, в которых рассматриваемая проблема была освещена с использованием этнографических, антропологических, лингвистических и исторических данных.

Историографическим вопросам был посвящен доклад Э. А. Рикмана «Б. П. Хашдеу о происхождении восточных романцев», в котором были изложены взгляды румынского историка XIX в. об ареале и степени романизации фракийского населения нижнего течения Дуная, роли славян в этногенезе восточных романцев и др. Выступавшие в прениях отметили важность изучения историографии по этногенезу восточных романцев, но указали на необходимость более четкой оценки трудов Б. П. Хашдеу в свете современных исследований советских, болгарских, югославских и венгерских ученых, которая отсутствовала в докладе (В. П. Шушарин, Т. Д. Златковская).

¹³ См., напр., Э. А. Рикман. Этническая история населения Поднепровья и прилегающего Подунавья в первые века нашей эры. М., 1975.

Т. Д. Златковская (Москва) в докладе «Календарная обрядность как источник по этногенезу молдаван (на примере русалий)» проанализировала некоторые особенности обряда русалий у молдаван и у других балкано-карпатских народов. Она пришла к выводу, что ярко выраженные элементы врачевания в обряде унаследованы народами этого региона от древнего фрако-дакийского населения. Элементы же обряда, связанные с зеленью и водой, ведут к древнеславянским (особенно полно сохранившимся в восточнославянском обряде) культовым действиям. Мнение о римских (от *Rosalia* в Римской империи) истоках русальского обряда у молдаван не подтверждается, так как он не совпадает с древним римским по основным элементам и направленности обрядности. Выводы докладчика и сам метод анализа источников были восприняты положительно.

В 1977 г. на сессии Научного совета впервые выступила антрополог М. С. Великанова (Москва). В докладе «Данные палеоантропологии о перемещении населения в Прутско-Днестровском междуречье в I—II тысячелетиях» она рассмотрела краниологические материалы, собиравшиеся ею в течение многих лет в Молдавской ССР¹⁴, с точки зрения генезиса молдавского народа. М. С. Великанова пришла к заключению, что на территории МССР за последние две тысячи лет население полностью или почти полностью сменялось не менее трех раз (не считая многих сравнительно мелких миграций). Носители черняховской культуры II—III вв. н. э. в Прутско-Днестровском междуречье по краниологическим данным относятся к фракийскому типу, в котором проявляется некоторое влияние сарматов. Между черняховцами и племенами славян, которые занимали эти земли в VI—XII вв., отсутствует «генетическая связь», что свидетельствует о смене населения. Носители балкано-дунайской культуры (IX—XI вв.) сложились из двух антропологических типов: славянского и тюрко-болгарского. Для последней группы характерна символическая трепанация черепов, которая встречается в захоронениях этой культуры. Антропологические данные дают возможность судить о смешении славянского населения с пришельцами тюрко-болгарами. Наименее изучен антропологами, по мнению докладчика, этап формирования современного молдавского населения. М. С. Великанова изучала серию черепов молдавского городища Старый Орхей XVI—XVII вв. Сравнение показателей этих черепов с показателями черепов населения балкано-дунайской культуры и могильников восточных славян дает основание отрицать генетическую преемственность этих групп населения. Антропологические данные свидетельствуют о «промежуточном» положении молдаван по отношению к восточно-европейским группам, с одной стороны, и народам Балкано-Дунайской области — с другой.

По докладу М. С. Великановой развернулась дискуссия, отражающая остроту затронутых проблем. Так, И. Г. Хынку, отрицая продуктивность антропологического изучения проблемы, считает, что решающее значение для исследования этногенеза молдаван могут иметь только археологические данные. Однако большинство выступавших — Г. Ф. Чеботаренко, П. П. Бырня, И. А. Рафалович — высоко оценили доклад М. С. Великановой. Они заявили, что нет оснований подвергать сомнению ее выводы. Данные М. С. Великановой опровергают необоснованно позднюю датировку балкано-дунайской культуры, предложенную И. Г. Хынку (XIV в.). Выступивший в прениях по докладу Великановой В. П. Шушарин возражал И. Г. Хынку, полагая, что полная идентификация этноса и археологической культуры не всегда бесспорна, тем более если игнорируются данные других научных дисциплин.

На этом же заседании сделали доклады диалектологи В. В. Корчмарь и В. К. Павел (Кишинев). Первый был посвящен славянским элементам, связанным с пастушеством, второй — славянской сельскохозяйственной терминологии в молдавских народных говорах¹⁵. Диалектная терминология дала многое для исторических выводов. Интересен, например, вывод о том, что из 710 изученных единиц сельскохозяйственной терминологии в молдавском языке 32% имеют славянское происхождение, в том числе 7% южнославянское. Историки могут объяснить, каким образом в состав молдавского языка вошли восточнославянские слова; гораздо труднее объяснить происхождение южнославянской терминологии. Нужно определить время и место длительного общения

¹⁴ М. С. Великанова. Палеоантропология Пруто-Днестровского междуречья. М., 1975.

¹⁵ В. К. Павел. Молдавская сельскохозяйственная терминология в говорах. Кишинев, 1973 (на молд. яз.).

молдаван и южных славян, во время которого могло произойти восприятие такого большого количества терминов.

В. Ф. Иркин (Львов) в докладе «Этапы, направления и этнический состав колонизации на волошском праве в Галицкие земли» исследовал вопрос о «Болоховской земле», о которой, как известно, в русских летописях имеются лишь отдельные данные, относящиеся к XIII в. Докладчик отметил, что в XVI—XVII вв. в районах волошской колонизации упоминаются еще несколько местностей с названием «Болоховская земля». Н. А. Мох о в, выступавший при обсуждении доклада, который в целом получил высокую оценку, поставил под сомнение тезис о том, что сообщение летописи XIII в. и сведения XVI—XVII вв. относятся к одной и той же территории. Он полагает, что поздние сведения относятся к землям к северу от Львова, по направлению к Луцку, а ранние — скорее к землям более южным и восточным. Вопрос об этнической принадлежности населения Болоховской земли в XIII в. Н. А. Мох о в оставляет открытым, поскольку еще мало убедительных аргументов для окончательных выводов по этому вопросу. Существующее мнение, что болоховцы — волохи, опирается пока только на сходство названий.

Выступивший в обсуждении итогов сессии В. С. Зеленчук указал на необходимость более строгого отношения к исследуемым фактам и недопустимость их предвзятой трактовки. Именно такие недостатки имеются, как полагает В. С. Зеленчук, в некоторых исследованиях, характеризующих балкано-дунайскую культуру. Исследователи произвольно отодвигают хронологические рамки бытования этой культуры до XIV в. Искусственно преувеличивается удельный вес романских черт и необоснованно уменьшается роль южнославянских и тюркских элементов в этой культуре. Отсутствие обоснованной аргументации проявляется и в том, что по материалам нескольких памятников из центральной зоны Молдавии делаются широкие выводы, касающиеся всей ее территории.

Выступление П. В. Советова было посвящено вопросам методики комплексного изучения.

Итоги работы сессии (и в значительной мере вообще работы Научного совета) были подведены Н. А. Мох о вым. Он указал на то, что как настоящая, так и предыдущие сессии помогли установить некоторые факты, которые намечают пути решения ряда аспектов всей проблемы.

Изучение генезиса молдавского народа дает основание утверждать, что на территории МССР с начала нашей эры до XIV в. состав населения несколько раз менялся. Мнение о непрерывном проживании на этой территории одного и того же этноса от римского времени до наших дней никакими серьезными доводами не подтверждается. Тем более, что земли к востоку от Карпат в I—III вв. н. э. не подвергались романизации, а лишь испытывали некоторое влияние римской культуры. Решающим фактором формирования молдавской народности был процесс тесных и всесторонних контактов волошского населения с проживавшим в Карпато-Днестровских землях с VI в. восточнославянским, а позднее древнерусским и украинским населением. Заселение территории Молдавии волохами в XII—XIII вв. убедительно доказывается данными топонимики, диалектологии и антропологии, а также подтверждается данными молдавских летописей. Расселение волохов на землях Западной Украины, Моравии, Закарпатья в XIV—XVI вв. также отобразено в письменных документах.

Принципиальное значение в дальнейшем должны приобрести исследования ранних этапов формирования молдавской народности и роли в этом формировании романославянского синтеза, конкретных социальных и этнических условий выделения молдаван из общей массы волошского населения.

Сессия показала необходимость более углубленного археологического изучения на территории Молдавии славянских культур: раннеславянской, древнерусской, балкано-дунайской.

Нужно считать безусловно положительным наметившееся стремление концентрировать внимание на изучении истории волохов в период заселения ими Днестровско-Карпатских земель, их контактов со славянами и этнических процессов в начальный период существования молдавского феодального государства.

Решение спорных вопросов должно проводиться только на основе тщательного и всестороннего анализа фактического материала. При этом следует избегать как крайней миграционистской, так и вульгарно-автохтонистской точек зрения.

Оценивая в целом деятельность совета за семь лет, можно отметить, что ему удалось объединить группу специалистов из различных научных учреждений для решения общих проблем; определить круг важнейших вопросов, часть которых уже близка к разрешению. Необходимо усилить методологическую и теоретическую сторону исследования проблемы; при этом особое внимание должно быть обращено на теоретическую разработку комплексных исследований.

Научным советом были изданы тематические сборники и отдельные научные работы, включавшие основные доклады, прочитанные на заседаниях совета¹⁶. В производстве находится очередной сборник («Славяно-волошские связи»), включающий доклады последних его сессий. Видимо, назрела необходимость перейти к систематическому изданию трудов совета.

В. С. Зеленчук, Т. Д. Златковская

¹⁶ В. Д. Королук. Волохи и славяне русской летописи; «Юго-Восточная Европа в средние века»; «Историографические аспекты славяно-волошских связей».

ПЕРВОЕ РЕГИОНАЛЬНОЕ СОВЕЩАНИЕ ПО ПРОБЛЕМАМ ГЕОГРАФИИ, ИСТОРИИ, ЭТНОГРАФИИ И ЯЗЫКОВ НАРОДОВ ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРА

13—15 июля 1977 г. в г. Апатиты состоялось Первое региональное совещание по проблемам географии, истории, этнографии и языков народов Европейского Севера. Совещание было организовано Северным филиалом Географического общества СССР и Институтом языка, литературы и истории Карельского филиала АН СССР и было посвящено 60-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции.

В совещании приняли участие свыше 50 ученых из Петрозаводска, Ленинграда, Москвы, Апатитов, Свердловска, Таллина, Мурманска, Новосибирска, Сыктывкара. Работали три секции: языковедения; фольклора; этнографии, археологии и антропологии. В данном сообщении мы рассматриваем работу лишь последней секции.

На первом пленарном заседании было заслушано четыре доклада. В докладе «Древнее саамское население на территории Севера Восточно-Европейской равнины» А. К. Матвеев (Свердловск) на топонимическом материале рассмотрел проблему разграничения саамского и прибалтийско-финского населения на древней Двинской земле. И. И. Гохман (Ленинград) остановился на антропологических особенностях древнего населения Севера Европейской части СССР и путях его формирования. Он отметил, что зона Европейского Севера в древности была связана с европеоидным населением и подчеркнул, что заселение региона шло с запада на восток. Г. А. Панкратов (Петрозаводск), опираясь на новые материалы, остановился на основных этапах заселения Карелии, а также на этногенетических процессах, проходивших здесь. И. Л. Фрейдин (Москва) поставил некоторые вопросы о подъеме материального и культурного уровня народов Севера.

На секции языковедения было заслушано 13 докладов. Они касались вопросов развития языков финно-угорских и самодийских народов и их взаимовлияния. В секции фольклора было заслушано семь докладов, посвященных проблемам изучения фольклора финно-угорских и самодийских народов¹.

На двух заседаниях секции этнографии, археологии и антропологии было заслушано 10 докладов: по проблемам истории, социологии, антропологии, археологии — по два доклада и четыре — по этнографии.

М. К. Михеев (Петрозаводск) проанализировал исторические данные, характеризующие социально-экономическое положение населения Европейского Севера в 1910—

¹ На секции фольклора были заслушаны доклады: М. Г. Воскобойников (Ленинград) «Человек и природа в поэзии саамов, ненцев и обских угров»; Р. В. Плесовский (Сыктывкар) «Персонажи низшей мифологии как прообразы драконов в фольклоре пермских народов»; Н. А. Криничная (Петрозаводск) «К вопросу о взаимодействии русской и карельской фольклорных традиций по материалам преданий Карелии»; М. Э. Йолайд (Таллин) «О собирании и изучении вепского фольклора»; Ю. Г. Рочев (Сыктывкар) «Особенности коми быличек и некоторые их общие черты в фольклоре соседних народов»; Н. А. Лавонен (Петрозаводск) «К вопросу о классификации загадок», а также сообщение О. П. Вороновой (Ревда).